

Фэй Родис
Татьяна Абиссин

ДРАКОНЬЯ
ПРИМУЛА

12+

Татяна Абиссин
Драконья примула

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Абиссин Т.

Драконья примула / Т. Абиссин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11420-3

В Тэнгурине беспокойно. Вторжение Морога, едва не погубившего мир, оставило след в душах людей, изменив их отношение к расе нагов. Связь с драконьим Островом утрачена. Примула Тэнгу, младшая дочь знаменитой семьи, получает волшебную силу. Девушку ждут интриги и тайны, встреча со старым врагом. Ей предстоит сделать выбор между двумя претендентами на её руку — наследником трона и загадочным молодым лордом. События книги происходят за 100 лет до «Драконьего зева». Третья книга в цикле однотомников "Драконьи травы". Можно читать как отдельную историю. Автор обложки Татьяна Медведева.

ISBN 978-5-532-11420-3

© Абиссин Т., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Пролог

Свет полуденного солнца отражался от блестящих, как зеркала, камней, и слепил глаза. Вокруг царила тишина, нарушаемая только редкими криками птиц и шелестом трав.

Внезапно на ровную, словно срезанную ножом, площадку вышел охотник. Высокого роста, светловолосый, он был на редкость хорош собой и, несмотря на простую одежду, никогда не остался бы незамеченным. Пустая сумка, болтавшаяся на плече, свидетельствовала о том, что день выдался неудачным.

Посмотрев на небо, мужчина решил, что пора возвращаться домой. Ему хотелось верить, что другим сегодня повезло больше. Тем более, что для него охота – далеко не главная обязанность. Скорее, подспорье и возможность поддержать в трудных обстоятельствах своих людей.

Вдруг незадачливый охотник напрягся – слева ему почудился едва слышный шорох. Бесшумно ступая, он обошел несколько больших, в рост человека, камней, и осторожно выглянул. Открывшаяся ему картина оказалась настолько необычной, что мужчина едва не присвистнул от удивления.

Прямо на земле, спиной к нему, сидел детёныш дракона. Еще совсем маленький – размером с трех быков – он жалобно скулил, пытаясь вытащить хвост из-под груды камней. Дракончик извивался, силясь лапами дотянуться до завала, но всё, что ему удалось, это поднять тучи пыли.

– Как же тебя угораздило, малыш? – спросил охотник. – И откуда ты взялся? С драконьего Острова, что ли? После Черного полдня всё пошло не так...

Дракончик повернул голову на звук его голоса. Ответить он не мог – только люди-драконы обладали человеческой речью и разумом – но во взгляде читалась такая мольба о помощи, что охотник не остался равнодушным. Бросив на землю сумку, он подошел к грудке камней, пленивших детеныша, и принялся разбирать её. Он работал быстро и, в то же время осторожно, отбрасывая сначала крупные камни, затем мелкие.

Даже для него это оказалось нелёгким делом. Пот заливал глаза, руки, сжимавшие очередной камень, заметно дрожали. Наконец дракончик смог пошевелить хвостом, стряхивая с себя мелкую каменную крошку, и повернулся к охотнику. Из его пасти вырвался звук, похожий на урчание. Человек понял, что его благодарят.

– Не стоит, малыш. Но пока не вырастешь, не забывай об осторожности.

Охотник с удовольствием выпрямил спину, потянулся и, взяв сумку, собираясь уйти. Он не обратил внимания, что дракончик опустился на землю и вытянул шею. В следующее мгновение вырвавшийся из пасти дракона огонек обжёг правую руку охотника.

Мужчина вскрикнул, почесав запястье. Потом погрозил кулаком маленькому дракону, с самым невинным видом потиравшим морду лапой, и скрылся за большим валуном. Через пару часов он и думать забыл об этом случае.

Охотник не подозревал, что с этого дня его жизнь изменится навсегда.

Глава 1

—Ужин готов, госпожа Прим, – горничная неслышно вошла в комнату и остановилась перед сидевшей за пяльцами молодой хозяйкой.

Увлеченная работой девушка вздрогнула и уколола иголкой палец. На коже выступила крохотная капелька крови, и, прежде чем Прим успела достать платок, упала на белоснежную ткань.

–Теперь не отстирается... – вырвалось у Прим досадливое замечание. Она осторожно отложила пяльцы в сторону и поднялась.

– Прошу прощения, – горничная присела, – это я виновата.

На лбу Прим появилась складка. Но, справившись с собой, она ответила спокойно, как всегда:

–Ничего страшного. Просто закрою это место цветком красного цвета.

Про себя она подумала, что придется менять часть задуманной композиции. Какая жалость, ведь именно эту работу ей хотелось сделать безупречно. Так, чтобы спустя годы люди восхищались не изяществом рисунка и мастерством рукодельницы, а тем, что изображено на полотне...

–Всё равно на сегодня пора заканчивать, – ободрила она смущённую Элис. – Скажи бабушке, что я сейчас приду.

– Боюсь, вам придется ужинать в одиночестве, госпожа. Леди Тэнгу приняла лекарство и, скорее всего, уже спит.

Прим чуть слышно вздохнула. Плохое самочувствие старшей леди Тэнгу не было тайной ни для кого из слуг. И это неудивительно, если учесть, что ей пришлось пережить за последние месяцы...

Прим подошла к овальному зеркалу, висевшему на стене. Ещё недавно его затягивала плотная черная ткань. При красноватом свете заходящего солнца в нём отразилась стройная девушка. Платье из темно-серого шелка удачно оттеняло нежную кожу и светлые волосы. Когда Прим сняла удерживающую их ленту, мягкие пряди рассыпались по плечам.

– Вы становитесь настоящей красавицей, госпожа Прим, – улыбнулась горничная, расчёсывая ей волосы.

Прим грустно улыбнулась:

– Спасибо, Элис. Если верить письмам лордов со всей страны, это действительно так. Хотя сомневаюсь, что получала бы эти письма, не будь я одной из Тэнгу.

«К тому же, всем известно, кто является настоящей красавицей, и обладает силой рода...»

Прим наклонила голову, позволяя горничной уложить волосы в узел на затылке и закрепить их шпильками. По негласному правилу девушки из знатных семей не могли показаться на людях с распущенными волосами. И хотя семья Тэнгу с некоторых пор жила уединенно, приличия соблюдались неукоснительно – за этим следила бабушка, госпожа Инесса.

Повисло молчание. Прим отрешённо смотрела в зеркало, когда служанка спросила:

– А что вы вышиваете, госпожа? Такое большое полотно... Это ведь не платок и не скатерть, не так ли?

По плечам девушки пробежала легкая дрожь – то ли от холодного ветра, проникшего в комнату сквозь открытое окно, то ли от неосторожного движения горничной, уколотившей её шпилькой. Прим машинально оглянулась назад, где на низком столике лежали пяльцы с неоконченной вышивкой.

Служанка, точно не заметив этого, продолжала допытываться:

– Вы собираетесь продать вышивку? Или это подарок?

–Нет, – очнулась от своих мыслей Прим, – вышивка останется в нашем доме. Это, скорее, дань памяти тем, кто никогда не вернется, и кому мы все обязаны жизнью.

Горничная до крови прикусила губу, словно наказывая себя за то, что не смогла удержать язык за зубами. Хотела, как лучше, а вместо этого ткнула пальцем в раскрытую рану. Хотя всем слугам в доме Тэнгу – да и во всём Тэнгурине, пожалуй, – известна печальная судьба Изабель, старшей сестры её госпожи. Равно как и то, что после ухода Изабель дом погрузился в траур.

А Примула Тэнгу разучилась смеяться.

– Простите меня, – пробормотала горничная.

–Достаточно извинений на сегодня, Элис, – Примула поднялась, поправила платье. Затем ополоснула руки в серебряном тазу, наполненном водой. И направилась к выходу, решив, что раз ей придется ужинать в одиночестве, то нет необходимости менять платье на более нарядное. – Всё равно от них ничего не изменится. Как говорит моя бабушка, надо жить дальше.

«Если бы она сама следовала собственным советам...» Эти слова Прим не решилась прозвонить.

Дворецкий с поклоном распахнул перед ней тяжелую дверь. Прим прошла в комнату с полукруглыми окнами до самого пола, служившую столовой в тех случаях, когда к ужину не приглашали гостей. Но сейчас, щурясь от ярких свечей, девушка подумала, что эта комната предназначена для большой и дружной семьи. Чтобы слышалось хлопанье дверей, стук серебряных приборов, звонкий детский смех вперемешку с неторопливой беседой взрослых.

А сейчас столовая казалась пустой и неудобной. Накрытый для одного человека стол – слишком большим и помпезным.

Опустившись на стул, предупредительно отодвинутый слугой, Прим машинально посмотрела в направлении главы стола, где обычно сидела бабушка. Справа от нее находилось место Изабель, слева – Темзен. И еще дальше сидела самая младшая из сестер Тэнгу – Прим.

«Когда мы собирались здесь вчетвером, было гораздо веселее. И даже втроем, несколько месяцев назад, до отъезда Темзен...»

На мгновение ей захотелось предложить слугам разделить с ней ужин. Но представив удивленно приподнятые брови дворецкого, двадцать лет прослужившего в семье Тэнгу, и, особенно, бабушки, Прим отказалась от своего намерения.

Она крошила в тарелке мясную запеканку. Несмотря на то, что за весь день она почти ничего не ела, аппетит пропал. Ей не нравилось всё – быстро сгущавшиеся за окном сумерки, колеблющееся пламя свечей, тишина в комнате, нарушавшаяся только легкими шагами слуг и звяканьем её вилки о тарелку.

Всё так же, как вчера, как за день и за неделю до этого. Прим казалось, что она застыла во времени, как муха в кусочке янтаря. В детстве, перебирая украшения бабушки, она нашла старинную брошку. Леди Инесса сказала, что она очень ценная именно из-за застывшего в смоле насекомого. И Прим до слез жалела мошку, которая не смогла вырваться из плена, навсегда оставшись в камне.

«Если разбить камень, она улетит?» – наивно спросила Прим бабушку.

Та только вздохнула и погладила девочку по голове: «Ты очень добра, Прим. Но, к сожалению, время и судьба нам неподвластны. Эта мушка давно умерла, и даже сила Тэнгу не способна вернуть её к жизни».

Прим это казалось несправедливым. К тому же она видела, с каким уважением и даже страхом относятся к её бабушке окружающие. О силе рода Тэнгу ходили легенды. Неужели она не может спасти одну несчастную мушку?

«Мы, леди Тэнгу, только кажемся сильными и могущественными. А на самом деле не способны защитить даже себя. Как, например, Изабель...»

Прим решительно отодвинула тарелку. Затем сделала глоток сока из хрустального бокала и негромко поблагодарила слуг. Ей хотелось как можно быстрее оказаться в одиночестве, пока те не заметили, что глаза Прим наполнились слезами.

Её остановил голос дворецкого:

– Госпожа Прим, вам пришло письмо. И леди Тэнгу просила зайти к ней перед сном.

– Да, конечно. Спасибо, Ристи.

Девушка взяла в руки запечатанный свиток. Бросив на него беглый взгляд, Прим почувствовала, как в груди вдруг потеплело – она узнала родовую печать Тэнгу. Письмо пришло от Темзен, которая несколько месяцев назад уехала в столицу.

Несмотря на охватившее её нетерпение, Прим не стала сразу читать письмо. Ей хотелось хоть на несколько мгновений продлить чувство радостного ожидания. И хотя послания двоюродной сестры, по большей части, оказывались сухими и короткими, они вносили некоторое оживление в размеренную жизнь Прим.

Пройдя по коридору, девушка свернула направо и поднялась на второй этаж, где находились комнаты хозяйки дома, истинной леди Тэнгу. Той, что владеет древней силой земли.

Недолгое время их занимала Изабель. Потом в них вернулась леди Инесса, бабушка Прим.

Толкнув дубовую дверь, Прим оказалась в небольшой гостиной, обставленной с большим вкусом. Изящная мебель светлых тонов; стены, обитые шелком; мягкий ковер под ногами – всё совсем новое и дорогое. Висевшая на стуле кружевная шаль, раскрытая шкатулка с нитями жемчуга, серебряными колечками и прочими безделушками, которые так нравятся женщинам, пара красных бархатных перчаток: взгляд Прим привычно подмечал все мелочи. Ей снова, в который уже раз, показалось, что молодая и красивая хозяйка этой комнаты отлучилась ненадолго, и скоро вернётся.

Из-под двери, ведущей в спальню, пробивался тонкий лучик света. Осторожно приоткрыв дверь, Прим замерла на пороге, прислушиваясь. Бабушка в последнее время спала плохо, и девушке не хотелось её потревожить.

Тишину нарушало только тиканье старинных часов, стоявших на каминной полке. Неслышно ступая, Прим пересекла комнату и, оставив письмо сестры на столе, подошла к кровати.

Тяжелый бархатный полог бросал тень на лицо спящей женщины. Но, приглядевшись, Прим с болью заметила, что леди Инесса выглядит хуже, чем несколько дней назад. Кожа лица приобрела желтоватый оттенок, под глазами синяки. Волосы, прежде темные, а сейчас почти полностью седые, в беспорядке рассыпались по подушке.

«Из нас троих ты тяжелее всего перенесла вечную разлуку... Неудивительно, ведь Изабель была твоей любимицей...»

Постояв немного в задумчивости, Прим поправила сбившееся одеяло, потом налила воды в бокал и поставила его на туалетный столик, рядом с кроватью. Затем опустила полог и тихо отошла к окну.

Её взгляд скользнул по забытому на столе письму. Она сломала печать и развернула его, но уже без особой радости.

Прим сразу же узнала размашистый почерк сестры. Но, приглядевшись, она заметила, что буквы немного неровные: то ли Темзен писала в спешке, то ли волновалась.

«Моя дорогая Прим, – так начиналось письмо, – прежде всего, хочу извиниться за то, что долго не давала о себе знать. Ты не представляешь, сколько забот у леди, живущих в столице. Балы, приемы, вечеринки, примерки платьев, встреча гостей и ответные визиты – всё это утомляет! Думаю, ты не выдержала бы и дня в такой суматохе. Порой я прихожу домой и без сил падаю в постель... Вот, например, два дня назад проходил бал во дворце консорта...»

Прим бегло просмотрела описание праздника, занявшее целую страницу. Если Темзен хотела вызвать у нее чувство зависти, ей это удалось. Да и какой молодой девушке, живущей в глуши, приятно читать о чужих нарядах и развлечениях?

Прим перевернула листок. Ей казалось, что самую важную новость сестра прибережёт напоследок. Например, о скорой помолвке. Ведь её долг, как новой леди Тэнгу, выйти замуж и родить детей.

Но, к её удивлению, письмо заканчивалось обращением к леди Инессе. Темзен выражала надежду, что бабушка хорошо себя чувствует и «не откажет в просьбе прислать некоторую сумму, ведь в столице всё очень дорого».

Прим невесело усмехнулась. Темзен совсем не изменилась. Почти всё письмо посвятить себе, любимой, и лишь в последних строчках спросить о здоровье бабушки! И, кто знает, если бы двоюродная сестра не нуждалась в золоте, как скоро она вспомнила бы о родственных связях?

Машинально посмотрев в сторону спящей женщины, Прим подумала о том, что Темзен, скорее всего, ждёт разочарование. До своей болезни леди Инесса несколько раз собиралась отозвать внучку из столицы. Хоть она давно не покидала замок, при дворе консорты у неё остались друзья, которые подробно рассказывали ей обо всём. И ей очень не нравился образ жизни, который вела Темзен.

...– Девчонке требуется крепкая рука, – как-то обронила Инесса. – Она не может жить одна.

– Тогда зачем ты разрешила ей уехать? – Прим мучило любопытство. Её бабушка ничего не делала без причины. И, в отличие от многих аристократов, не планировала будущее внуков, начиная с их рождения.

Леди Тэнгу зябко повела плечами, и Прим поспешила накинуть на неё шаль.

– Не всё так просто. Наследник консорты очень просил отпустить леди Тэнгу ко двору. То ли красоток в столице мало, то ли он нуждается в силе нашего рода, чтобы укрепить власть. А просьба консорты равносильна приказу. Даже если он... – Инесса нахмурилась, и перевела разговор на другую тему...

Шорох, донесшийся со стороны кровати, заставил Прим поднять голову. Услышав тихий голос бабушки, она тут же подошла к ней. Сухая ладонь пожилой женщины сжала пальцы Прим. Инесса чуть приподнялась, устраиваясь поудобнее на подушках, и сердито взглянула на внучку, решившую ей помочь:

– Я еще не настолько стара, дорогая.

Прим примирительно улыбнулась.

– Разве я сказала что-то смешное? – сдвинула брови Инесса.

– Вовсе нет, бабушка. Просто, раз вы способны язвить, значит, всё в порядке.

Леди Тэнгу выпрямилась и села так, чтобы свет не падал ей на лицо. Её рука, протянутая за бокалом, чуть заметно дрожала, но голос звучал по-прежнему ровно:

– Присядь, Прим. Ты слишком бледная, тебе нужно больше отдыхать.

– Не волнуйтесь за меня, бабушка, – Прим показала ей письмо. – Это от Темзен. У неё всё хорошо. Она посылает вам свою любовь и надеется, что вы...

–... пришлю ей с оказией еще золота! Не пытайся обмануть меня, Прим! Может, я и больна, но из ума еще не выжила! В жизни твоей дражайшей сестрицы есть только один важный человек – она сама! А остальные – всего лишь фон, на котором ей суждено сверкать, или же источник дохода. Интересно, зачем ей потребовались деньги? На десятое кольцо не хватает или же на сотое платье?

Прим успокаивающе погладила её по руке. Леди Инессе нельзя отказать в проникательности.

– Прости, – вздохнула Инесса, выпив немного воды и снова опускаясь на подушки. – Мы с тобой такие разные, девочка. Я вижу людей насквозь, и это часто причиняет боль. Ты же предпочитаешь замечать в них только хорошее. А если хорошего нет совсем, ты или придумываешь этому человеку оправдания, или просто отворачиваешься.

– Я думаю, что в каждом человеке, независимо от его положения и образа жизни, можно найти частицу света, – отозвалась Прим, чем заслужила лёгкую улыбку бабушки.

– Но всё не так просто... – вздохнула леди Тэнгу. Потом протянула руку, – дай мне письмо.

Прим ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Пока бабушка неторопливо просматривала послание Темзен, Прим краем глаза следила за выражением её лица. Она заметила, как пожилая женщина поджала губы, потом нахмурилась, и, наконец, отбросила листок в сторону. Её голос звучал обманчиво спокойно:

– Первое письмо за два месяца от госпожи Темзен! И ни малейшего интереса к нашим делам! Вместо того, чтобы упрочить наше положение при дворе, девочка пускает по ветру состояние, которое пока ей не принадлежит! И, если глаза меня не обманывают, она не только не вышла замуж, но даже не помолвлена...

– Бабушка, – попыталась успокоить её Прим, – вы забываете, что Темзен уехала всего несколько месяцев назад. При дворе объявили годовой траур из-за смерти... – она сглотнула, с трудом произнеся это имя, – Изабель и предыдущего консорта. Наша семья тоже в трауре. Кто станет думать о помолвке и свадебной церемонии в таких печальных обстоятельствах?

Леди Инесса неопределенно хмыкнула. Прим не поняла, согласна ли бабушка с её словами, и поторопилась добавить:

– Я уверена, что у Темзен, как у новой леди Тэнгу, много поклонников. Её замужество – только вопрос времени. Возможно, она просто ждет выгодного предложения – например, от наследника трона...

К её удивлению, леди Инесса резко помрачнела при упоминании правителя Тэнгурина и отвела взгляд. Её длинные пальцы нервно теребили край атласного покрывала.

– Темзен писала тебе об этом? Или, может, вы общались с помощью зеркала? – после непродолжительного молчания осведомилась леди Тэнгу.

Прим захотелось сделать реверанс, словно она в чем-то провинилась:

– Нет, бабушка. Как вы сами видите, моя кухня пишет редко, а связь с помощью зеркал после... известных вам событий... так и не восстановилась.

Леди Инесса прикрыла глаза, глубоко задумавшись. Её губы шептали, но так тихо, что до Прим донеслись лишь отдельные слова:

– Нет, это всего лишь слухи... Совпадения... Сбои в магическом фоне... Это не связано...

Прим негромко кашлянула, привлекая внимание. Когда бабушка недовольно повернулась в её сторону, она сказала:

– С вашего позволения, я пойду. Уже поздно. Вам нужно отдохнуть.

– Уже наотдыхалась, – отмахнулась Инесса. – Если доживешь до моих лет, девочка, то поймешь, что самое плохое в старости – это долгие бессонные ночи, когда никого нет рядом. И ты медленно перебираешь всю свою жизнь, день за днем, год за годом... Думаешь, где и в чем оказалась неправа, или совершила ошибку... Жаль только, что ничего уже не исправить...

Прим наклонила голову, скрывая подступившие к глазам слезы. Несмотря на то, что имя Изабель в семье почти не упоминалось, и её сестра, и бабушка всегда знали, когда кто-то из них думал о ней. Прим только не ожидала горького признания, слетевшего с губ Инессы:

– Это мне следовало пойти на Одинокий холм в тот ужасный день. Я вырастила Изабель, а защитить её не сумела...

«Возможно, это ничего бы не изменило», – беззвучно вздохнула Прим.

Она сама часто вспоминала тот страшный полдень, в одночасье превратившийся в глухую ночь. Иссиня-черные тучи, скрывшие небо. Сбивавший с ног ветер. Вихри пыли в воздухе, не дающие сделать вдох. И ледящее душу, ощущение ужаса, которое охватывает человека перед близкой смертью. И не только своей, но и смертью близких. Неотвратимой и беспощадной.

В тот день Прим не смогла даже выйти из дома. Она до сих пор с трудом представляла, как тяжело пришлось Изабель, и с чем она встретилась там, на вершине холма...

Теплые пальцы сжали её ладонь. Прим вздрогнула всем телом, встретив испытующий взгляд бабушки:

– Не стоит думать об этом, – с непривычной мягкостью произнесла леди Тэнгу. – Тогда ты была обычным человеком, без малейшей капли силы. Твое присутствие на холме ничем бы не помогло Изабель. А я потеряла бы еще одно дитя...

«Я ни в чем не виновата, – едва не вскричала Прим. – Тогда почему же мне так больно?»

– Лучше принеси мне перо и бумагу. А также толстую книгу, на которой я могу писать, – уже холоднее распорядилась леди Тэнгу.

Прим машинально выполнила приказ. Она даже принесла свечи. Девушка предполагала, что леди Инесса, для порядка пожурив старшую внучку, пришлет ей бумагу, по которой можно получить золото у кого-то из ростовщиков. Но леди Тэнгу её удивила.

Написав несколько коротких фраз, Инесса сложила письмо и запечатала его. Затем добавила вслух – скорее для себя, чем для сидевшей рядом Прим:

– Я приказала Изабель возвращаться обратно. И чем быстрее, тем лучше.

Письмо едва не выпало из рук Прим. Конечно, она думала, что бабушка разозлится, но не до такой же степени!

– Может, не стоит принимать поспешных решений? Подумайте о чести нашей семьи! Что скажут при дворе консорта, если наследница Тэнгу вдруг уедет без всякой причины? К тому же, Темзен расстроится...

– Последнее меня мало волнует, – отрезала леди Тэнгу. – И это – не поспешное решение, как ты думаешь. Скажу лишь одно: у меня есть причины не доверять новой власти. Чем раньше Темзен окажется дома, тем лучше для всех.

Прим вышла из комнаты бабушки в растерянности. Ей показалось, что леди Тэнгу недоговаривает о важном, или же просто боится. Последнее звучало глупо. Женщины их рода, обладавшие силой, почти никого и ничего не боялись. Они могли не только сделать землю плодородной, но и обрушить её под ногами врагов, или же завалить их камнями.

«А Изабель? – мелькнул в голове противный голосок. – Непобедимая Изабель... Всё же нашелся противник, сильнее её!»

Глава 2

Прим проснулась от сильного ветра, распахнувшего окно в спальне. Она несколько мгновений сидела, съезжившись, в глубине кровати, не в силах пошевелиться. Ей показалось, что всё повторяется, словно она вернулась в тот страшный день, несколько месяцев назад...

Но когда по подоконнику застучали крупные капли дождя, Прим подняла голову и прислушалась. В тот день, несмотря на низкие чёрные тучи, на землю не упало ни одной капли. А, значит, это всего лишь буря...

Прим заставила себя подняться и подойти к окну. Представшая перед ней картина, хоть и смотрелась пугающей, но была таковой без всякой мистической причины. Дождь лил стеной, деревья в саду раскачивались и стонали под порывами ветра. Звук его можно было принять за вой жуткого зверя. В воздухе клубилась пыль вперемешку с ветками и сухими листьями. По дорожке, прикрывая лицо от дождя, пробежал садовник с плотной тканью в руках. Видимо, спешил укрыть редкие цветы.

Прим глубоко вздохнула. Ничего страшного. Бури случались и раньше. Но её пальцы дрожали, пока девушка закрывала окно.

На секунду ей показалось, что она, как и Изабель, привлекла чужое недоброе внимание...

«Глупости, – пыталась успокоить себя Прим, – у меня нет силы Тэнгу. Кому я вообще нужна?»

Настойчивый стук в дверь заставил её обернуться. Прим почти не удивилась, увидев на пороге бабушку. Леди Инесса выглядела безупречно: седые волосы зачесаны назад и скреплены серебряным гребнем, черное шёлковое платье без всякой вышивки или других украшений, на плечах – шаль из тонкого кружева. Как будто их встреча состоялась не ранним утром, когда за окном буря, а в шестом часу вечера, во время приема гостей.

– Бабушка, доброе утро, – Прим присела, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом леди Тэнгу. Она представляла, как нелепо сейчас выглядит: босая, с разметавшимися по плечам светлыми волосами, и в платье, небрежно натянутом поверх ночной рубашки.

На морщинистом лице леди Тэнгу промелькнула улыбка. Она шагнула вперед и спросила, прижав девушку к груди:

– Всё в порядке? Я беспокоилась за тебя. Буря началась так внезапно.

Прим резко высвободилась из объятий. Теплое чувство, охватившее её при виде бабушки, сменилось раздражением. Зачем она пришла? Неужели для того, чтобы утешить внучку, такую слабую и беспомощную, что может испугаться легкого ветерка?

Словно в ответ на её слова послышался грохот: ветер бросил в окно толстую ветку. Прим непроизвольно вздрогнула и прижала ладони к ушам.

– Я понимаю, чего ты боишься, – донесся до неё голос леди Тэнгу. – Но всё уже закончилось. Всё прошло. И ты ни в чем не виновата. Иногда буря – это просто буря. За ней не стоит никаких магических сил.

Инесса позвонила в колокольчик, велев заспанной служанке принести свечи и разжечь огонь в камине. Потом подошла к окну, проверив, плотно ли оно закрыто, и завесила шторы. В комнате сразу стало тише.

Леди Тэнгу опустилась в кресло, с удовольствием протянув ноги к огню. И негромко призналась:

– В старости у нас остается так мало удовольствий. Одно из них – смотреть на огонь, наслаждаясь его теплом. Другое – находиться рядом с родными людьми. Почитай мне, дорогая.

Прим исполнила её просьбу, взяв с толки первый попавшийся томик. Это оказались стихи, написанные почти сто лет назад. И их автор, и возлюбленная, к которой он обращался,

сравнивая её красоту то с отражением луны в озере, то с лепестком розы, давно стали прахом. А строчки остались, и дышали тем же чувством и страстью, что и век тому назад...

Прим сначала читала машинально, прислушиваясь к вою ветра за окном, но потом увлеклась. Переворачивая очередную страницу, она нашла засушенный цветок, и задумалась, кто же его положил.

«Примула... Та самая, в честь которой я получила имя... Какое странное совпадение...»

Захлопнув книгу, Прим прислушалась к ровному дыханию бабушки и поняла, что та задремала. Тогда она тихо встала и, взяв с кровати плед, набросила его на плечи Инессе. А сама отошла к окну, отстранённо наблюдая, как ровные струйки дождя стекают по стеклу.

«Ничего уже не изменить, – так сказала бабушка, – ты не виновата».

Но, что, если не всё так просто?

Буря не напомнила Прим о том дне. Просто потому, что она и так о нем никогда не забывала. В течение долгих месяцев она пыталась найти ответ на вопрос: что случилось бы, если бы она тогда не испугалась? Если бы пошла вместе с Изабель? Или, хотя бы, не стала ей мешать...

Прим провела рукой по лбу, стирая влажный пот: «Прости меня, Изабель. Я не такая сильная, как ты!»

Следующий день Прим провела в саду. Буря повалила несколько деревьев, сломала кусты роз и акации. А вырванных с корнем цветов и молодых саженцев и сломанных веток оказалось так много, что пришлось в помощь садовнику отправлять еще слуг.

Внимание Прим привлек тонкий пруттик, надломленный у самого основания. Она мягко провела по нему пальцами, словно от её прикосновения могло что-то измениться.

– Какая жалость, госпожа, – почтительно заметил садовник, присев рядом с ней на корточки, – это единственный саженец Сенитской розы. Говорят, её цветы снежно-белого цвета, без малейшей примеси. Они необычайно красивы.

– Сенитская роза – такая редкость? – спросила Прим, по-прежнему сжимая тонкий стебель.

Мужчина кивнул.

– Да, госпожа Прим. Разве что в саду консорты найдутся такие цветы. Но садовник Его Светлости не любит делиться черенками.

Прим вздохнула. Ей стало жалко погибший цветок не потому, что тот оказался редкостью. Но тут её окликнули с другого конца сада, и девушка, выпрямившись, поспешила на зов.

...Садовник проводил её взглядом, потом нагнулся к черенку розы, собираясь его выбросить. И удивленно замер: место, где стебель надломила буря, исчезло. Увядшие листья снова приобрели темно-зеленый цвет.

Мужчина подсыпал к корням розы новой земли и старательно полил цветок. А потом долго стоял, не замечая ничего вокруг.

Об этом случае он никому не стал рассказывать.

Вернувшись в свою комнату, Прим едва успела ополоснуть руки после работы в саду, как появилась горничная. Леди Тэнгу хотела видеть внучку.

К некоторому удивлению Прим, горничная проводила её до рабочего кабинета хозяйки дома. Инесса сидела за массивным письменным столом, сделанным из дуба еще полсотни лет назад. Её голова едва виднелась из-за кипы книг, свитков, счетов и тому подобного. Она то и дело обмакивала перо в чернила, и не оторвалась от своего занятия, даже заслышав шаги Прим.

Девушка, с любопытством оглядевшись по сторонам, опустилась на край стула. В детские годы ей и сестрам запрещалось заходить в кабинет. И эта комната представлялась малышам самой загадочной и таинственной в доме.

Но сейчас Прим видела только просторную комнату, отделанную в желто-коричневых тонах. Вдоль одной из стен тянулись книжные шкафы, на другой – висели портреты прежних лордов и леди Тэнгу. Приглядевшись, Прим заметила справа картину, краски которой не потускнели. Сердце пропустило один удар – девушка узнала улыбающееся лицо Изабель.

Инесса отложила в сторону очередной свиток.

– О, Небо! Кто бы знал, как мне надоели эти счета! Да и переписка со знатными дамами почти со всего Тэнгурина ничуть не легче. Пожалуй, я передам хотя бы часть этой работы тебе, Прим. Привыкай к скучным обязанностям женщины нашего круга.

– С удовольствием, бабушка. Только потом не упрекайте меня, если ваши подруги перестанут вам писать. Я не обладаю легким слогом, в отличие от Темзен, – лукаво отозвалась девушка. Она прекрасно знала, что, для леди Тэнгу нет большего удовольствия, чем получить весточку из столицы.

– Кстати, о Темзен. Ты отправила ей моё письмо?

Помедлив, Прим кивнула. В глубине души она надеялась, что бабушка передумает, и кухне не придется покидать столицу.

Повисла пауза. Инесса, постукивая пальцами по краю стола, смотрела в сторону. Прим думала о том, как расстроится её сестра, получив приказ возвращаться домой. Наконец леди Тэнгу произнесла:

– Не хочу, чтобы ты считала меня вздорной особой, которая легко меняет решения. Я понимаю, что Темзен не создана для тихой деревенской жизни. Я бы даже простила ей расточительность и полное неумение выбирать друзей. Но есть нечто важное, чего ты не знаешь. Пожалуйста, проверь, закрыта ли дверь, Прим.

Удивлённая такими предосторожностями, Прим выполнила её просьбу.

– Я давно почувствовала неладное, почти с самого отъезда Темзен, – начала леди Тэнгу. – Изменившийся магический фон, ощущение неясной опасности... Правда, мне казалось, что это – всего лишь последствия той страшной битвы, которую пришлось выдержать Изабель вместе с молодым драконом.

Прим опустила голову, изо всех сил пытаясь казаться спокойной.

– Разве этого недостаточно? Или вы боитесь, что печать, поставленная моей сестрой, ослабнет?

– Нет. Дело в другом. До меня дошли странные вести: некто в Тэнгурине проявляет интерес к артефактам, а также людям, обладающим необычными способностями. Уже несколько знатных семей лишились своих реликвий. Кого-то запугали, другим предложили кучу золота за древнюю безделушку. А кто-то просто стал жертвой воров, причем, кроме артефакта, ничего ценного не взяли.

Прим молчала, обдумывая её слова. Потом неуверенно произнесла:

– Вот почему вы приказали Темзен вернуться домой. Вы думаете, что леди Тэнгу тоже угрожает опасность?

– Причем большая, чем другим. Люди преувеличивают как силу нашей семьи, так и магическую мощь предметов, хранящихся в доме Тэнгу. Темзен слишком молода и неопытна, чтобы справиться с искушением или избежать ловушки. Представь, что случится, если негодяю придёт в голову использовать её в качестве заложницы...

Прим невидящим взглядом уставилась в окно. Картина вырисовывалась мрачная. Как бы бабушка ни осуждала её кузину, сомневаться не приходилось: при малейшей опасности леди Тэнгу пожертвовала бы всем, от артефактов до последней серебряной монеты, чтобы спасти Темзен.

– Но зачем кому-то собирать артефакты? – спросила Прим. – Это не только опасно, но и глупо. Насколько я помню, они помогают определенному роду, и могут лишиться силы, перейдя в чужие руки.

Леди Инесса, пожившись, поправила лежащую на плечах шаль.

– Хороший вопрос. Жаль, что ответа у меня пока нет. Но я хочу, чтобы ты отныне держалась осторожно, Прим. Если узнаешь новости, что покажутся тебе необычными – хотя бы о том, что у нас появились новые соседи – сразу же сообщи мне. Не нанимай новых слуг без рекомендаций! И не выезжай никуда одна.

«Замечательно. Дом и так напоминал темницу, а теперь он станет ей на самом деле!» —грустно вздохнула Прим, но спорить не стала. В глубине души она понимала, что бабушка права.

В комнате стало очень тихо. Решив, что разговор закончен, Прим поднялась, подошла к бабушке и поцеловала её в щеку. Та на мгновение накрыла её пальцы сухой ладонью:

– Подожди минуточку. У меня есть для тебя подарок.

С трудом поднявшись, леди Тэнгу дошла до шкафа, украшенного затейливой резьбой, и открыла его. Вернувшись к столу, она положила перед Прим небольшое зеркальце в серебряной оправе.

– Это же... – Прим прижала ладони к покрасневшим щекам.

– Да, оно принадлежало Изабель, – леди Тэнгу провела пальцем по гладкой поверхности. На мгновение её глаза увлажнились, но голос звучал по-прежнему ровно. – А теперь я хочу, чтобы его взяла ты.

Прим покачала головой, но пожилая женщина с неожиданной силой вложила зеркало ей в руки.

– Пусть оно покажет тебе то, что ты хочешь увидеть, и даже то, чего боишься.

Глава 3

Прим вернулась к себе в расстроенных чувствах. Рассказ бабушки о загадочных событиях, происходящих в Тэнгурине, не слишком её заинтересовал. Даже если слухи правдивы, и кто-то действительно собирает магические предметы, ему (или ей) не добраться до хранилищ семьи Тэнгу. Но вот зеркальце, подаренное бабушкой, жгло руку...

Прим хотелось в него заглянуть, но эта возможность пугала. И как всегда, когда упоминалось имя Изабель, девушка вздрагивала, заново переживая тот далекий день.

Упав лицом в подушку, Прим некоторое время лежала неподвижно. Зеркальце, брошенное на туалетном столике, служило ей молчаливым укором. Девушке вдруг захотелось выбросить его или же спрятать подальше, в один из глубоких ящиков шкафа. Усилием воли Прим отогнала эту мысль: даже если бы зеркало не обладало никакой силой, она не смогла бы избавиться от вещи, принадлежащей сестре.

Вздыхнув, девушка села на кровати и выпрямилась. Потом очень осторожно взяла зеркальце, словно боясь порезаться, и посмотрела в него.

Ничего не произошло. Она увидела только собственное отражение: покрасневшее от волнения лицо, разметавшиеся по плечам пряди длинных волос, темные глаза, мерцавшие, словно угольки.

Прим провела пальцем по поверхности зеркала, на миг, представив, как Изабель смотрелась в него, причесываясь перед приемом гостей или балом. Рано начав выезжать в свет, она любила повеселиться.

«В отличие от меня», – горько улыбнулась Прим. Впрочем, кто знает, как сложилась бы её жизнь, если бы не Черный полдень, болезнь бабушки, и накрывший её семью траурный покров.

Прикрыв глаза, Прим попыталась восстановить в памяти лицо сестры. К сожалению, его черты казались смазанными, словно на старом портрете. Блондинка, высокая и стройная, со смеющимся взглядом синих глаз. Бабушка и слуги говорили, что сёстры очень похожи друг на друга. Но голос Изабель она помнила хорошо: нежный, словно звучание колокольчика, он становился холодным и даже жёстким, когда девушка сталкивалась с несправедливостью.

«О чем ты думала, Изабель, когда последний раз смотрелась в это зеркало? О нас с Темзен и бабушке? О людях Тэнгурина? Или же о Гидеоне, с которым только-только обручилась? Или ты просто вышла из дома, где провела детство, и ушла, не оглянувшись...»

Прим вдруг безумно захотелось увидеть сестру. Она снова повернула к себе зеркальце и хриплым отчаянным шепотом позвала её по имени.

Полированное стекло затуманилось. Прошла минута, другая. Прим с бьющимся сердцем вглядывалась в зеркало. Оно же непростое, верно? Оно может связать её с Изабель!

Наконец, Прим поняла, что ждет напрасно. Она уронила бесполезное зеркальце на колени и долго сидела, глядя перед собой невидящим взглядом...

Ей вдруг вспомнилось утро того далекого дня, позднее названного Черным полднем. Название, как сейчас думала Прим, очень точное: впервые за долгие века солнце не взошло. Странная мгла заволочла небо, словно отделив от земли. Ни один луч солнца не смог пробиться сквозь эту завесу. Воздух, душный и вязкий, пах дымом. Внезапно налетевший сильный ветер с легкостью ломал толстые ветки, с корнем выворачивал молодые деревца и кустарник.

Прим хорошо помнила, о чём думала тогда: «Что же творится по всей территории Тэнгурина, если даже в нашем поместье, защищенном силой рода, чувствуются отголоски стихии?»

Прим не знала, что её разбудило: то ли стон ветра за окном и комья грязи, ударившие по стеклу, то ли неясное предчувствие беды. Но что или кто мог угрожать ей здесь, в доме Тэнгу, девушка не представляла.

Дверь в спальню была неплотно прикрыта, и Прим услышала едва различимый скрип ступенек, а затем легкие, очень осторожные шаги. Так ступают люди, которые очень хотят остаться незамеченными.

«Что происходит? Слуги так рано не поднимаются. Темзен обычно спит до полудня, если бабушка не прикажет разбудить её. Да и сама Инесса вчера приехала очень уставшая. Они с Изабель долго разговаривали. Может, в дом проник вор?»

Прим даже улыбнулась абсурдности своего предположения. Слухи о силе её семьи, зачистую нелепые и преувеличенные, расползлись по всему Тэнгурину, до самых границ. Она с трудом представляла воришку, рискнувшего украсть у них даже серебряную ложку.

Распахнув дверь, Прим ожидала увидеть горничную, которую также разбудила буря. И оказалась совершенно не готова к встрече с сестрой, уже полностью одетой, в длинном плаще до самого пола и шляпе с широкими полями, скрывавшими лицо.

Изабель чуть заметно вздрогнула и прижала палец к губам, призывая к тишине. Она проскользнула в комнату Прим, прикрыв за собой дверь.

– Изабель! Что случилось? Куда ты собралась в такую рань? Не видишь, что на улице творится? – обрела дар речи Прим. Она даже махнула рукой в сторону окна, словно надеясь, что всё это – не более, чем дурная шутка. Сейчас Изабель улыбнётся, скажет, что передумала, и вернётся к себе.

Изабель сняла шляпу, и её волосы, уложенные в две золотистые косы, упали на плечи. Сейчас, в простой одежде, предназначенной для путешествия, она показалась Прим еще более красивой, чем во время балов и приемов. Синие глаза горели внутренним огнем, на щеках проступил румянец, движения порывистые, словно девушка с трудом сдерживала себя. Прим ощутила исходящую от неё силу, и впервые признала в сестре не просто очаровательную и умную девушку, даму из благородной семьи, а настоящую леди Тэнгу в сиянии красоты и величия.

«Она достойна занимать трон Тэнгурина и править вместе с консортом», – промелькнуло в голове Прим.

– Именно из-за этой бури мне придется уехать, – негромко ответила Изабель.

Повисла пауза. Прим недоуменно смотрела на неё, потом выпалила:

– Но бабушка вчера сказала...

– Знаю, – нетерпеливо отмахнулась Изабель. – Но чувствую, что медлить нельзя. Ты знаешь, что случилось на Одиноком холме?

Прим промолчала. Сознаться в собственной неосведомленности не хотелось. Она слышала только обрывки разговоров о том, что в районе Одинокого холма образовался некий разрыв, ведущий в другой мир. Но к чему это могло привести, не знали ни жрецы, ни даже леди Инесса Тэнгу.

«Неужели эта буря тоже не случайна?» – осенило девушку. Подняв голову, она прочитала ответ в печальных глазах сестры.

– Да, Прим, – прошептала та. – Бабушка сказала, что наш мир – не единственный. А существа, которые населяют другие миры, не всегда доброжелательны к людям. Чаще всего, наоборот. Поэтому попытки прорыва в Тэнгурин происходят постоянно. Но подобной бури не случилось уже несколько столетий. А ведь завеса еще не разрушена...

– Что же делать? – Прим вдруг показалась себе маленькой и слабой. Да, у неё нет ни капли силы Тэнгу, но это не значит, что она должна просто сдаться и ждать, пока мир вокруг не уничтожат.

– Для начала, не терять надежды, – Изабель на мгновение прижала её к себе. – Люди не настолько слабы, как считает эта тварь. Мы с Гидеоном пойдем туда.

Тогда Прим всё поняла: и осторожность сестры, её раннее пробуждение, старания не разбудить никого в доме, и даже эти торопливые объяснения. Изабель уходила. Одна, навстречу тому неведомому и страшному врагу, чья сила чувствовалась даже здесь, в родовом гнезде

Тэнгу. Она не собиралась ни с кем прощаться или просить помощи. Не собиралась ждать, пока бабушка изучит старые книги или достанет из хранилища артефакты. Потому что время слишком дорого.

Уходила, чтобы не вернуться назад.

Прим застонала, точнее, заскулила, словно побитый щенок, и обеими руками обняла сестру.

– Это безумие, – лихорадочным шепотом произнесла она, – идти туда в одиночку! Изабель, умоляю тебя...

– Со мной будет Гидеон, – напомнила Изабель, пытаясь высвободиться из крепких объятий.

– И что? Вы оба совершенно не обучены. Он получил силу лишь месяц назад, а ты... Это же глупо, Изабель. Ты же понимаешь, что не сможешь ничего сделать! Пожалуйста, послушай меня...

Еще немного, и Прим затопала бы ногами и подняла бы шум на весь дом. Сбежались бы слуги, потом Темзен и бабушка. Они бы не позволили Изабель уйти.

Но теплая ладонь коснулась её губ, и голос перестал слушаться Прим. Как и ноги. Повинуясь взмаху руки Изабель, девушка опустилась на кровать.

– Прости меня, Прим, – виновато прошептала Изабель. – Но так надо. Однажды ты поймешь, что я права. Иногда нужно идти, даже если ты не в силах ничего изменить.

Она резко повернулась, задев Прим краем плаща. И вдруг замерла, о чём-то размышляя. Потом расстегнула плащ и сняла с шеи изящное ожерелье, сделанное в виде венка полевых цветов.

Прим зажмурилась. Фамильное украшение ослепительно сверкало в руках Изабель. Искусно выкованные из золота лепестки цветов соединялись ограненными драгоценными камнями: синими, красными, зелеными. Ювелир нарушил негласный закон, запрещающий использовать в одном украшении рубины и сапфиры, но ожерелье от этого только выиграло. Равного ему в Тэнгурине не было, даже в сокровищнице консорта.

Но дело заключалось даже не в стоимости ожерелья. Оно передавалось в их семье из поколения в поколение, и, как знала Прим, обладало чудесными свойствами. Например, увеличивать силу леди Тэнгу.

Но Изабель без сожаления сняла его. Провела пальцем по лепесткам золотых цветов, отчего те ярче заблестели, и, шагнув к сестре, застегнула ожерелье на шее Прим.

«Что ты делаешь?» – хотелось закричать Прим. Но она не смогла, и только наблюдала, как леди Тэнгу повернулась и направилась к выходу.

– Береги себя, малышка Прим, – прошептала она, не оборачиваясь, – и бабушку.

... Придя в себя, Прим машинально провела рукой по груди. Конечно, ожерелье исчезло. Девушка не считала себя вправе носить его, не являясь новой леди Тэнгу. К тому же, украшение постоянно напоминало ей о сестре.

«Почему Изабель ушла одна? Почему не взяла артефакты Тэнгу – бабушка потом всё проверила – и даже оставила ожерелье? А вдруг оно помогло бы ей там, на Одиноком холме? И почему я повела себя, как ребенок? Почему не подняла крик, не разбудила всех в доме, как только поняла, что задумала Изабель?»

Прим глубоко вздохнула. Какой смысл ворошить прошлое, если ничего уже не изменишь! Но почему же так больно даже слышать об Изабель, а не то, что держать в руках её вещи?

«Я не виновата, – в сотый раз думала Прим. – Невозможно остановить человека, который принял твердое решение. И всё же...»

Чувство вины перед Изабель не отпускало её, несмотря на прошедшее время. Прим казалось, что это навсегда.

Глава 4

Солнечные лучи, пробившись сквозь плотную пелену облаков, освещали маленькую рабочую комнату. Прим сидела у окна, в окружении отрезков шёлка всевозможных расцветок, и мотков ниток в корзинках, аккуратно расставленных вокруг стола. Девушка, чуть нахмурившись, рассматривала свою вышивку.

Как часто случалось, придуманная ей картина была гораздо лучше исполнения. Нити при дневном свете казались бледными. Да и зоркий глаз Прим заметил несколько неровных стежков.

«Что ж... Не переделывать же из-за них всю вышивку», – вздохнув, Прим заправила в пяльцы ткань, и склонилась над корзинкой, выбирая нити для следующего стежка. Её руки ловко и быстро вышили полураспустившийся бутон розы, несмотря на то, что мысли Прим витали далеко от работы. Неудивительно, что спустя полчаса, закрепив иголку с ниткой, девушка поднялась из-за стола.

В доме царил тишина. Леди Инесса не вышла из своей комнаты, передав через горничную, чтобы её не беспокоили. Кухня и подсобные помещения находились в задней части дома, поэтому Прим не слышала даже голосов прислуги. Казалось, во всём мире она осталась одна.

«Странно... Почти весь этот долгий год после того, как Темзен уехала в столицу, я провела одна. Бабушка часто болела, из-за траура нас никто не навещал. Пора бы и привыкнуть. Почему же сейчас мне так тоскливо?»

Прим понимала, что её жизнь, протекавшая в четырех стенах, неестественна для юной девушки. Иногда она напоминала себе полевой цветок, перенесенный по чужой прихоти в теплицу, который, несмотря на заботу, вянет без солнечного света и ласкового ветерка. Даже холодный дождь приятнее, чем прозябание в закрытом помещении – без малейшей опасности, но и без радости, без возможности проявить свои силы. Не считать же занятием бесконечную вышивку, ответы на письма и проверку счетов.

В глубине души Прим чувствовала, что она создана для большего. Словно птице, запертой в клетке, ей хотелось расправить крылья и взмыть высоко-высоко, в самое небо. Даже если этот полёт обойдется ей слишком дорого...

В комнату, постучав, заглянула горничная Элис и сказала, что обед готов. При мысли о том, что придется снова в одиночестве сидеть за большим столом, у Прим сжалось сердце. Уж лучше она пообедает в своей комнате, без внимательных, полных скрытого сочувствия взглядов слуг и дворецкого.

Отдав распоряжение накрыть стол в соседней комнате, Прим вдруг подумала о Темзен. Ей стало интересно, чем занята сейчас кухня. Готовится к выходу из дома? Или, зевая, ждет, пока горничная поможет ей одеться? Получила ли Темзен письмо бабушки? Может, она, не скрывая недовольства, собирает вещи?

Достав из ящика стола зеркальце, Прим прошептала имя кухни. Она не слишком надеялась на успех, после того, как отчаянно пыталась связаться с Изабель. Возможно, после гибели леди Тэнгу её зеркало тоже утратило силу.

Но полированная поверхность вдруг засветилась. Перед удивленной девушкой появился зал, освещенный множеством свечей. Потолок, украшенный барельефами, поддерживали массивные колонны. Узкая ковровая дорожка вела к возвышению, на котором находилось кресло с высокой спинкой под балдахином. Прим даже почувствовала разочарование: ей казалось, что трон консорта обязан выглядеть роскошнее.

Только несколько месяцев спустя Прим узнала, что видела в зеркале вовсе не Тронный зал. Предыдущий консорт, Гидеон, погиб. А его наследник ещё не стал правителем Тэнгурина

и, согласно этикету, не мог занимать трон, приказав выделить для официальных приемов другое помещение.

Прим повернула зеркальце. Картинка сдвинулась, показав толпу придворных, рассредоточившихся по залу. Слышались шутки и смех, голоса сливались в один ровный гул. Большинство придворных дам показались Прим красавицами, несмотря на бледную кожу и равнодушные, скучающие взгляды. Словно они находились не во дворце, а в убогом домишке. Их наряды, сшитые по последней моде, усыпанные драгоценными камнями, с широкими пышными юбками, так, что в дверь приходилось проходить боком, выглядели тяжелыми и неудобными. Прим задумалась, как же знатные леди танцуют, да и просто передвигаются, не сгибаясь под тяжестью платьев.

Прим жадно всматривалась в толпу, надеясь увидеть сестру. Но женщины казались похожими друг на друга, словно куклы в дорогой лавке. Почти каждую сопровождал мужчина, чаще всего средних лет. Скорее всего, муж или отец. Но Прим почти не обратила на них внимания – она не знала ни одного мужчины при дворе.

«Даже наследника консорта, – невесело усмехнулась Прим. – Темзен несколько раз обещала прислать его портрет, но так и не сделала этого. Но его точно здесь нет, иначе бы придворные не вели себя так непринужденно».

Внезапно сзади, из-за спин придворных, послышался хриплый голос: «Красный карлик заставляет себя ждать!» Прим, внимательно смотревшая в зеркало, заметила, как вздрогнула красивая светловолосая дама и поспешила отойти в сторону. За ней последовали и другие мужчины и женщины, в результате вокруг говорившего образовалась пустота. В наступившей тишине до Прим донеслись обрывки слов:

– Какая наглость...

– Настоящее безумие...

–Эрих, как всегда, пьян... Но это не дает ему права...

«О чем они говорят? И что за «красный карлик»?»

Человек, вызвавший всеобщее возмущение, стоял, прислонившись к колонне. Его одутловатое лицо, обрамленное редкими прядями волос, показалось бы Прим некрасивым, если бы не пристальный взгляд серых глаз, светившихся умом и отчаянной решимостью.

–Трусы... – презрительно бросил он, глядя на отступившую от него толпу. – Вы все думаете то же самое, только никогда не посмеете озвучить. Остаься Гедеон вживых...

Прим не сразу поняла, что же её удивило в облике молодого человека. И только приглядевшись, заметила его костюм из темно-серой ткани и чёрную ленту, повязанную на шее. Среди придворных он оказался едва ли не единственным, кто носил траур.

Неизвестно, что еще собирался сказать Эрих, но тут к нему подошла седая дама. Взяв его за руку, она осторожно подтолкнула его к стене, подальше от чужих глаз.

Прим расслышала её шепот:

– Достаточно, Эрих. Если тебе не жаль себя и своего будущего, подумай, хотя бы о семье.

Что ей ответил молодой человек, Прим так и не узнала, потому что в эту минуту тяжелые золоченые двери распахнулись, и громкий голос объявил о появлении наследника консорта.

Придворные расступились, освобождая дорогу мужчине в роскошном костюме из светлого бархата. Он вел под руку стройную девушку. Взглянув на неё, Прим едва не вскрикнула, потому что узнала кузину.

Темзен Тэнгу ступала медленно, высоко держа голову, словно уже увенчанную короной. Каштановые волосы были высоко зачесаны и закреплены золотистой сеткой, один непослушный локон касался её щеки, оттеняя нежную, словно алебастр, кожу. Губы кривились в заученной улыбке, глаза, искусно подведенные черной краской, казались большими и выразительными. Платье из светло-голубого шелка, под цвет глаз, мягкими складками ниспадало до пола. Темзен явно купила его в столице, и Прим могла только гадать о стоимости прекрасного

наряда, как и цене серег в ушах кузины, а также широких браслетов, сверкавших на запястьях её рук.

«Откуда у Темзен деньги? Бабушка, конечно, выделила ей часть дохода, чтобы жить в столице, но этого бы не хватило на новые наряды и украшения».

Пока Прим размышляла, правитель и его спутница пересекли зал. Мужчина выпустил руку Темзен и слегка поклонился. Девушка ответила глубоким реверансом и нежной улыбкой. И только в это мгновение Прим, до того лишь мельком взглянувшая на наследника, смогла его рассмотреть.

Ульв – его имя Прим знала – выглядел крепким коренастым человеком. Несмотря на обувь на высоком каблуке, он казался ниже спутницы, и если бы не его титул и уверенность в собственном превосходстве, они с Темзен могли бы вызвать насмешки злоязычных сплетниц. Длинное лицо наследника, обрамленное прядями темно-красных волос, казалось угрюмым, тонкие губы были брезгливо поджаты. Казалось, этот человек не умеет ни смеяться от души, ни радоваться жизни. Его взгляд не стал теплее, скользнув по Темзен, и Прим задумалась, как же он в действительности относится к её очаровательной сестре.

«Красный карлик, – вдруг пронеслось в голове Прим. – Точное, хоть и не слишком лестное прозвище».

Прим почувствовала себя обманутой. Неужели этот неприятный человек – тот самый, о котором Темзен писала с восторгом, откровенно намекая на скорую помолвку? Это правда и есть будущий консорт Тэнгурина?

«Нельзя видеть мир в романтических красках», – одернула себя Прим. И судить о человеке, только по внешности, не сказав с ним и двух слов, тоже глупо. Кто знает, может Ульв окажется замечательным правителем и любящим супругом для её двоюродной сестры.

И всё же Прим не могла не вспомнить Гидеона, предыдущего консорта. Вот кого судьба одарила и внешностью, и благородством, и даже силой дракона! Жаль только, что щедрости фортуны хватило ненадолго, и камни холма, а не Тронный зал, стали для него пристанищем.

В этот миг, словно прочитав её мысли, наследник повернулся. Прим отшатнулась от зеркала, словно он мог её увидеть. Она наблюдала, как молодой человек поднялся на возвышение и сел в кресло, подняв руку в знак того, что желает говорить.

«Как хорошо, что я – не новая леди Тэнгу. Иначе он стал бы первым претендентом на мою руку. И вряд ли я смогла бы отказать консарту... Бабушка бы этого не допустила».

Но все мысли подобного рода вылетели у Прим из головы, когда Ульв заговорил. Его речь не отличалась выразительностью, напротив, голос звучал устало и монотонно, поэтому Прим расслышала лишь некоторые фразы:

– Скорбная дата приближается... Мы никогда не забудем тех, кто отдал жизнь за нашу свободу... Они навсегда останутся в наших сердцах...

У Прим сжалось сердце. Она без труда догадалась, о чем говорит будущий консорт, потому что и сама никогда не забывала о Черном полдне. Конечно, «скорбная дата приближается», и во дворце запланированы памятные мероприятия.

Но, несмотря на заученные фразы и печальное выражение лица наследника, Прим сомневалась, что сам Ульв и его приближенные страдают из-за Гидеона и Изабель. Сестра и её жених стали прошлым, а до прошлого никому нет дела. Кроме, возможно, Эриха, одного из немногих придворных, носившего траурную одежду.

Внезапно картинка в зеркале изменилась. В толпе мелькнуло голубое платье, и Прим поняла, что её кузина решила незаметно скрыться. То ли ей надоело слушать наследника, то ли она решила воспользоваться паузой и проверить, всё ли в порядке с её лицом и прической.

Темзен остановилась у большого, до самого потолка, зеркала в золоченой раме. С её лица исчезла привычная улыбка, глаза смотрели холодно и настороженно, словно ожидая подвоха.

Поправляя волосы, Темзен сделала гримасу, явно кого-то передразнивая. Но Прим, хорошо знавшей кухню, показалось, что той совсем не весело.

«Что случилось, Темзен? Почему ты злишься?» – вслух спросила Прим, надеясь, что сестра услышит её. Не зря же та стала наследницей Тэнгу после Изабель. Но Темзен и бровью не повела. Она явно никого не видела и считала, что находится в полном одиночестве.

«Ничего не понимаю, – растерялась Прим. – Изабель могла общаться на расстоянии с кем угодно. Почему же Темзен...»

Кухина поправила висевшее на груди ожерелье в виде венка из цветов и повернулась, чтобы уйти. Но тут за её спиной появилась женщина, заставившая Прим удивленно распахнуть глаза, а Темзен – нахмуриться от недовольства.

Почти такая же высокая, как Темзен, но значительно крупнее, с ног до головы одетая в чёрное, она казалась уродливым пятном на фоне богато украшенного зала. Незнакомке приблизительно от сорока до пятидесяти лет. Её волосы скрывала повязка из черного бархата, на бледном лице выделялись темные, словно угли, глаза. Сначала Прим приняла её за служанку – из-за скромной одежды и привычки смотреть в сторону – но сомнительно, что слуги допускались на столь важный прием.

По лицу Темзен скользнула тень – эта встреча её явно не обрадовала.

– Добрый день, леди Тэнгу, – женщина присела, но не слишком низко.

– Добрый день, Хлоя, – небрежно кивнула Темзен. – Ты искала меня?

– Прошу прощения, леди Тэнгу. Но мне нужна ваша помощь. Пожалуйста, пройдемте со мной.

Женщина осторожно взяла Темзен за руку. К удивлению Прим, её капризная кухня позволила себя увести, хотя, судя по тому, как она кусала губы и оглядывалась по сторонам, девушка с трудом удерживалась от резких слов.

Они прошли к дальнему углу зала. Здесь, на выложенном плиткой полу, находился глиняный горшок, с тонкой торчащей из него веточкой.

Хлоя, указав рукой на растение, объяснила, что это – любимый цветок наследника, который начал вянуть без видимых причин. Не согласится ли добрая леди Тэнгу помочь, прибегнув к своей силе?

Темзен едва слышно вздохнула.

– Хлоя, кажется, я уже говорила тебе...

– Да, госпожа, – перебила её женщина. – Но Его Светлости действительно дорог этот цветок, ведь его посадила мать господина Ульва. Я понимаю, что вы не можете тратить силу на пустяки, но прошу сделать исключение для наследника. Поверьте, он этого не забудет.

Темзен явно колебалась. Она немного нервным движением поправила ожерелье на груди. Прим даже показалось, что загадочная Хлоя устроила леди Тэнгу проверку. И, возможно, уже не в первый раз.

Чуть слышно вздохнув, Темзен протянула руку к тонкой веточке. Между её пальцами словно промелькнула искра, мгновенно погасшая. С цветком не произошло никаких заметных изменений, но Хлоя рассыпалась в благодарностях:

– Это так мило с вашей стороны, госпожа...

Облегчение, промелькнувшее на лице Темзен, сменилось привычной высокомерной маской. Она холодно кивнула женщине, повернулась и исчезла из поля видимости Прим.

Хлоя проводила её тяжелым взглядом. Казалось, её что-то тревожит. Она словно прислушивалась к очень слабому или очень далекому звуку, и не могла определиться, почудилось ей или же нет. Вдруг она резко повернулась к зеркалу и впилась в него немигающим взглядом.

Прим охватил ужас – ей показалось, что женщина её видит! Разумеется, это невозможно, ведь даже её кухня, принадлежащая к роду Тэнгу, не ощутила присутствия Прим! А тут служанка, пусть и довольно близкая к консорту...

Холод подозрения сковал тело Прим. Дрожащими пальцами она перевернула зеркальце и только потом смогла перевести дыхание. Почти минуту она сидела в тишине, пытаясь успокоить отчаянно бьющееся сердце. Потом снова посмотрела в зеркало.

Разумеется, всё исчезло – тронный зал, Темзен, консорт и его придворные, и даже эта загадочная женщина, Хлоя. Но Прим по-прежнему чувствовала на себе тот холодный, оценивающий взгляд, и от души порадовалась, что Хлоя находится за десятки миль от неё.

Впервые Прим подумала о том, что дворец консорта в столице – не такое уж и весёлое место. И, в любом случае, совсем не безопасное, судя по тому, как осторожно ведут себя придворные, боясь сказать лишнее слово, или с какой неприязнью одна из приближенных правителя общается с её сестрой. Да и сам молодой консорт не выглядит как ожившая девичья мечта или, хотя бы, как рассудительный и преданный своему долгу правитель Тэнгурина...

«Бедняжка Темзен... Нелегко ей приходится. И я сомневаюсь, что, даже выйдя замуж за консорта, она станет счастливее. Деньги и власть – желанные игрушки, но они равным счетом ничего не значат, если приходится жить с нелюбимым человеком».

Прим казалось, что, окажись она на месте Темзен, ни минуты бы не осталась во дворце, среди неприятных и даже опасных людей. Но её кузина не стремилась никуда уезжать и вовсе не выглядела несчастной леди, принесенной в жертву ради интересов семьи.

«Все люди разные, – любила повторять бабушка, – и то, что подходит одному, другому покажется хуже пытки или даже смерти».

Сегодня Прим сама в этом убедилась.

Глава 5

Проснувшись на рассвете, Прим долго лежала в постели, не открывая глаз. Как бы ей хотелось, чтобы этот день никогда не наступал! Или уже закончился, и она снова вернулась бы в свою комнату, чтобы, упав лицом в подушки, беззвучно плакать, пока не станет чуть легче.

«Зачем всё это? – думала она, разрывая на мелкие клочки тонкое кружево с отделки наволочки. – Пышные церемонии, торжественные речи... Это всё равно их не вернет. Они даже не узнают об этом! Если даже зеркальце Изабель не в силах отыскать след своей хозяйки, потерявшийся во времени!»

Скрипнула дверь. Элис, заглянувшая в комнату, всплеснула руками:

– Вы еще не встали, госпожа! Леди Тэнгу сказала, что выезжает через час.

– Леди Тэнгу может делать всё, что ей угодно, – проворчала себе под нос Прим. На секунду у неё мелькнула мысль сказать больно или хотя бы начать одеваться так медленно, чтобы бабушка, устав ждать, уехала без неё. Но Прим прекрасно понимала, как по-детски это выглядит. Тем более, что леди Инесса в любом случае не оставила бы её дома.

– Я принесу вам горячей воды, госпожа. Ваше платье в шкафу. Позавтракать вы уже не успеете, но я положила вам в сумку несколько пирожков и фрукты.

– Спасибо, Элис, – вяло поблагодарила Прим.

Её охватила апатия: не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать. На короткий миг девушка даже пожалела, что это Изабель, а не она, навсегда осталась на Одиноком холме.

«Иногда продолжать жить куда труднее, чем умереть. И это требует гораздо больше мужества», – размышляла Прим, спускаясь по лестнице.

Леди Инесса, сидевшая в кресле, окинула её внимательным взглядом. Прим торопливо опустила на лицо вуаль. Ей не хотелось, чтобы бабушка заметила её покрасневшие глаза или сероватый оттенок кожи. Впрочем, старшая леди Тэнгу выглядела не лучше: маленькая худенькая фигурка в траурном платье из черного бархата. Её пальцы, сжавшие локоть Прим, заметно дрожали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.